

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

ФРАНКФУРТСКАЯ ШКОЛА ИГРЫ И ЖИЗНИ

Оказывается, кроме знаменитой философской, во Франкфурте-на-Майне есть оригинальная театральная школа, которую представил на своих ленинградских гастролях один из ведущих мастеров немецкой сцены Франц-Иозеф Богнер. Лауреат премии ФРГ в камерном сценическом искусстве, которую получил «за установление нового диалога с публикой», участник и лауреат многочисленных международных театральных фестивалей, он объездил, кажется, весь свет, а в нашей стране, в Москве, впервые побывал в 1985 году. Спонсор гастролей — культурный институт Гете — дал возможность познакомиться с уникальным искусством, которое западные критики называют искусством будущего.

Богнер — кабареист, то есть постоянно действующий социально-художественный критик с философским складом ума, своего рода дозиметрист нравственного состояния общества. Прирожденный оппозиционер, вооруженный психоанализом, новейшими приемами театральной игры и богатым жизненным опытом.

Он не только отличный драматический артист (прошедший подготовку в Эссене и у всемирно известного парижского педагога Жака Лекока), мим и клоун, но и поэт, драматург и режиссер. Авангардист по манерам, ригорист по нраву. Его неповторимость на нашей сцене заключается в единстве словесно-ассоциативной игры и моментально точной реакции на зал. Богнер переворачивает известную восточную триаду, предписывающую воспринимать произведение искусства в следующей последовательности: шок — контакт — вхождение в образ. Поражая редкой непосредственностью, он работает по принципу: контакт — вхождение в образ — шок. Последнее происходит благодаря виртуозному владению словом и умению завершать номер словесным гэгом.

Мироощущение Богнера трагично, потому что он отрицает любую «систему», в которую стремится «вписаться» каждый здравомыслящий человек, но безмерно сочувственно, даже нежно относится к отдельному человеку. Его ум не обольщается и не терпит иллюзий, прекрасно ориентируясь в любом пространстве, минуя традиционные клише (философию, религию и пр.). Главный герой его программ — независимый человек, комментирующий себя в условиях растущей социальной деформации. Поэтому идентифицироваться с ним невозможно. Форма представлений — сценки-притчи, замешанные на сатире, пародии, гротеске и абсурде. Он делает необычайно веселые спектакли, после которых наступает грусть такая же густая и безысходная, как наша степная тоска.

Театр Богнера — это антишоу с минимумом реквизита и света, но с неслыханной интенсивностью пребывания на сцене. Цель — установление контакта с публикой.

Свои знания и навыки, блистательный ум и великолепную интуицию зрелого возраста он пускает в ход только для того, чтобы услышать голос своего и вашего суверенного «я», ежедневно погребяемого под стойкими предрассудками и привычками.

Богнер убежден в том, что если цивилизация предлагает нам ориентироваться на что-то внеш-

нее, то рано или поздно это приведет к тоталитаризму и уничтожению личности. Тяготеющий к восточному (точнее, дальневосточному) мироощущению, он стремится заставить каждого опираться только на себя и на свое чувство жизни.

Богнер говорит: «В политических кабаре, распространенных в странах западной демократии, принято высмеивать крупных политических деятелей. Это им очень выгодно, потому что повышает их популярность, снимает напряжение в обществе, продлевает пребывание у власти — и ничего не меняет в жизни. Публика же получает шанс почувствовать себя умной, страдающей и совершенно безответственной за участие в реальности».

Я никогда этим не занимаюсь, потому что считаю необходимым сказать залу нечто иное: хорошо, если лидер, над которым вы так смеетесь, глуп, то разве вы, избравшие и терпящие его, умнее?

Современному театру с его тезисом «утверждения сомнения в самом себе» я противопоставляю свой тезис о «сомнении в самоутверждении», потому что знаю: «изменимся мы — изменится и мир».

Сизифов труд — будить сознание, когда буйствует воля, и, отбрасывая этикет, бороться за этикет! И труд опасный, потому что зал — капля социума — отражает «систему», воплощает ее, пылает к ней страстью и не склонен прощать не столько критику, сколько правду о себе.

Богнер хорошо понимает, что делает: одна из его программ называется «Сизиф». Кроме уже отмеченных качеств, богнеровские миниатюры, напоминающие философские афоризмы, удивляют своей формой. Она абсолютно прозрачна — до того, что, кажется, полностью совпадает с содержанием. И не надо прилагать ни-

каких усилий, чтобы разгадать «особенности художественного языка», потому что оглушительный смысл притчи доходит сразу. Однако и «Сизиф» — творческое кредо Богнера — хотя и ошеломляет выражами театрально раскрываемой мысли, это все цветочки в сравнении со второй программой, созданной по мотивам повести Н. В. Гоголя «Нос».

Ни в коей мере не поддавшись эйфории европейской круговой поруки в пользу нашего нового общественного бытия, Богнер создает филигранный графический портрет нашего внутреннего состояния. Думаю, что одним из стимулов для создания этого спектакля стала идентичность внутреннего строения литературного языка писателя и сценического языка артиста. И близость эта — в мимико-словесно-артикуляционной игре жестов.

В основе сюжета спектакля, который, как и у Гоголя, не связан с композицией, — образ клоуна как выражение коллективного подсознательного нации и его способность заставить людей или смириться с ходом вещей, или восстать против. И здесь Богнер производит структурно-политический анализ образа Асисия, приходя к выводу о катастрофической поляризации сил на тоталитаристские корни и не находящую выхода человечность.

Сцены, через которые проходило движение сюжета спектакля, были точны, правдивы и безупречны в логике, они адресовались не к достоинству каждого сидящего в зале, а к оценке качества его действий. Видимо, поэтому критика Богнера стала восприниматься как рецепт, выписанный опытным западным врачом. Ну а поскольку у нас доверие к нашей медицине известно какое, то зрители сумели даже получить удовольствие от элегантности и мастерства, с которыми была проделана эта рискованная операция.

Открытые уроки Богнера, входившие в программу гастролей, высветили редкостное педагогическое дарование. Здесь он учил студентов тому, о чем так пылко повествовал в спектаклях, — о возвращении человека к самому себе. Один из уроков он завершил памятными словами: «Не ждите помощи ниоткуда, в вас есть все для того, чтобы стать свободными».

Лариса МЕЛЬНИКОВА.
Фото В. Потапова.